

◆

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первые галки

◆— 5 —◆

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кровь на шраме

◆— 61 —◆

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вымирающий род

◆— 99 —◆

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Война подозрений

◆— 145 —◆

ГЛАВА ПЯТАЯ

Воронка ужаса

◆— 205 —◆

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns, framing the text. It features a central floral motif at the top and bottom, with symmetrical designs on the sides.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кровавый пир. Ход первый

◆— 227 —◆

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Кровавый пир. Жестокое сражение

◆— 281 —◆

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Кровавый пир. Жатва

◆— 327 —◆

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Цепь из козырей

◆— 353 —◆

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Эпилог: Призрачная защита

◆— 369 —◆

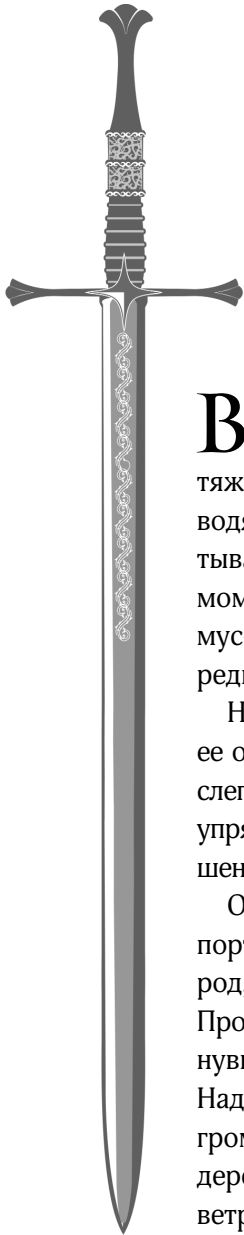

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первые
галки

Западная империя Асланд, Ренн

Весь Ренн, за исключением нескольких самых высоких его строений, укрывала тяжелая пелена свинцовых туч. Насыщенный водяным паром слой облаков бурлил и накачивал, расходясь яростными молниями и громом, что для сухого зимнего периода, когда муссоны дули с материка к морю, являлось редким явлением.

Над рядами облаков пролетела черная галка; ее оперение, впитавшее тяжелый водяной пар, слегка затрудняло полет. Миновав несколько упрямо торчащих над облачным покровом башен, она изнеможенно нырнула под облака.

Обычно белоснежный и преуспевающий порт сейчас напоминал безжизненный город, который кто-то окунул в серые чернила. Просторные улицы пустовали, недавно покинувшие их люди еще не вернулись обратно. Над головой прокатился грохочущий раскат грома, то и дело слышался стук закрываемых деревянных ставней. Ци Лин двигался против ветра, с трудом ступая по охваченным надви-

гающей бурей просторным улицам. Из-за плотной пелены черных туч небо казалось очень низким, словно вот-вот опустится еще ниже и придавит его голову. В носу стоял влажный воздух, наполненный рыбным запахом морской воды.

Прохожих на улице практически не было, лишь несколько случайных уличных торговцев, но и те спешно сворачивали свои ларьки, торопливо и кое-как забивали тележки товарами, только бы успеть возвратиться домой до того, как обрушится холодный ливень.

По земле кружила рассыпанная на рынке сухая трава и оставленная ненужная мелочь.

Ренн.

Даже такой восхитительный морской порт, такой богатый город не выдержал безжалостного испытания.

Утром, когда Ци Лин проснулся в гостинице, день хоть и выглядел пасмурным, однако настолько безумных ветров, какие бушевали сейчас, еще не было. Он взглянул на сумрачное небо за окном, после чего окинул взглядом пустую комнату и ощутил ужасное чувство потери внутри.

На самом-то деле с Инь Чэнем он провел не так уж и много времени, поэтому, хоть в этот момент и остался один-одинешенек, просто вернулся к прежней жизни. Он с малых лет привык ни на кого не полагаться, разве не так? И все же по непонятной причине его не покидало чувство, что из груди вырезали кусок — пробили дырку в окне, и неугомонный сквозняк остудил сердце, надул в его кровеносные сосуды лед, и теперь оно, стуча, отдавалось тихой колющей болью.

Очаг горел всю ночь, в нем остались лишь точки тлеющих угольков. Внутри комнаты стояла жара, распространяющая ощущение томительного, сухого тепла; нагреваясь горячим воздухом, простоявшие многие годы массивные деревянные стены источали тяжелый древесный аромат.

Ци Лин выбрался из постели, распахнул окно, и в покои тут же ворвался зимний леденящий ветер и достиг его обнаженной груди, холодок скользнул по ней родниковой водой. Поток прохлады поднял на коже мелкие мурашки, принесся приятное наслаждение и в то же время постепенно отрезвляя ото сна.

В юности тело всегда растет стремительно и резко. Ци Лин обнаружил, что снова прибавил в росте, мышцы груди и рук тоже становились все крепче, вот только это, вероятно, являлось заслугой его огромного и тяжелого меча. Чтобы поскорее привыкнуть к духовному орудию, парень почти не возвращал его в Печать: без надобности носил при себе, таскал на спине в дороге, размахивал им по сторонам — от таких упражнений его мышцы незаметно окрепли.

И все же его не покидала мысль, что хорошо бы обменяться с Инь Чэнем. У князя орудий имелось целое множество: изящные и искусные, с прекрасными, роскошными узорами на поверхностях — с первого взгляда становилось понятно, что такие вещицы использовались прежде кем-то могучим, не говоря уже о Божественном Подъюбнике. Ци Лин подумывал вручить собственный тяжелый меч Инь Чэню, слишком уж тот выглядел тощим, словно в любой момент его мог сдуть ветер, а со своей бледной кожей да серебристо-серыми воло-

сами казался еще хилее и нежнее. Ци Лину думалось, что не будь сейчас князь все еще чуть выше него ростом, то сам он сгодился бы ему в старшие братья.

— Сколько же все-таки Инь Чэню лет? Если порассуждать, должен быть намного старше, но почему же тогда кожа у него такая белая и нежная, совсем не как у меня? Может, дело в том, что я с малых лет разносил тарелки? Видно, на мне осела масляная копоть... Или же он просто возится со всякими травками, чтобы получше выглядеть... — бормотал про себя Ци Лин, меж тем натягивая одежду. Перевязав пояс, он отправился вниз.

Сегодня его ждало одно важное дело.

Ци Лин очень старался сделать его хорошо, и, когда закончил, на дворе уже начало смеркаться.

Он завернулся в плащ и быстро побежал к доске объявлений, что располагалась на углу улицы. За пазухой парень крепко сжимал кипу пахнущих чернилами листов.

Утром, как только вышел за дверь, он тут же снял булавку из чистого серебра со своей одежды и обменял на деньги у скупщика, а затем отыскал на улице рядом с гостиницей лавку, занимающуюся письмом и живописью, и попросил мастера помочь нарисовать дюжину портретов Инь Чэня. Вот только за работой прошел целый день, и как бы в лавке ни старались, Ци Лин оставался недоволен: ему казалось, у мастера совсем не выходила внешность Инь Чэня. Брови князь имел весьма острые, но в то же время мягкие; в глазах присутствовало небольшое равнодушие, однако, внимательно приглядевшись, можно было заметить огонек дружелюбия; он не очень любил улыбаться, лицо

его, казалось бы, долгие годы укутывал сильный холод, но другим от него вовсе не становилось морозно... Ци Лин, запрокинув голову и вспоминая Инь Чэня, шумно вываливал целую кучу слов и совершенно не обращал внимания на то, слушал ли его рисующий или нет.

В какой-то момент художник слегка разозлился и принялся выпроваживать клиента на улицу.

— Тогда верните деньги! — возмущенно обратился Ци Лин к человеку в лавке.

— Я столько рисовал, а ты все недоволен. Скажи спасибо, что не требую доплатить. В голове у тебя божество, а не человек! Никому его не изобразить. Должно быть, специально пришел поиздеваться, щенок? А ну, проваливай сейчас же, иначе ноги переломаю.

Ци Лину оставалось лишь рассерженно унести прочь кипу уже нарисованных и совсем не похожих на оригинал портретов. Не запрети ему Инь Чэнь свободно пользоваться духовной силой перед простым народом, он бы давно выпустил Снежного Клыка и навел шуму.

Над головой прокатился очередной мрачный раскат грома, и Ци Лин опомнился. Он уже стоял перед доской объявлений.

Парень выудил из-под одежды портреты, выбрал тот, который с натяжкой посчитал наиболее напоминающим Инь Чэня, после чего снял крышку глиняного горшочка в углу доски, просунул руку и черпнул немного клейкой пасты, намазал по уголкам портрета, а затем наклеил изображение князя на самое видное место.

Ци Лин бережно разгладил бумагу, ужасно боясь стереть еще не до конца высохшие чернила.

Зимний ветер задул яростнее, к нему примешались ледяные частички и, касаясь лица, щипали холодом. Несколько прохожих вбежали в ворота гостиницы, чтобы укрыться от дождя.

Ци Лин стоял перед доской объявлений и смотрел, замерев, на портрет. До того самого момента, пока его резко не привел в чувство раздавшийся позади грохот: его чемодан выбросили на середину улицы, оставленное Инь Чэнем длинное одеяние вывалилось из ящика и мятой кучей лежало на сырой земле, а на главном крыльце стоял гостиничный слуга. С нахмуренными бровями он бросил на Ци Лина нетерпеливый взгляд, после чего развернулся, чтобы уйти.

— А ну, стой! — рванул к нему Ци Лин, раскидав портреты вдоль дороги. Он бережно поднял одеяние Инь Чэня, гневно смотря на слугу: — Что это ты делаешь? Я гость, почему мои вещи на улице?

— Гость? Ваши деньги, «гость», давно закончились. Уже немало дней живешь в долг. У нас тут не приют для бездомных: либо плати, либо немедленно забирай вещи и проваливай.

— Я... — Ци Лин пошарил руками по карманам, на лице его отразилась явная неловкость. Он опустил голову, не зная, как ответить, выдавив несколько невнятных звуков, он поднял взгляд и прошептал: — Может, я останусь у вас в гостинице и помогу с работой? Буду подавать чай и воду, мыть тарелки, и готовить умею — уже когда-то прислуживал на станции в поселке. Не вру. Просто дайте мне какую угодно комнатку, мне нужно ждать здесь, я не могу уйти...

Не дослушав его, работник хмыкнул и, отвернувшись, вошел в гостиницу, захлопнув за собой тяжелую деревянную дверь.

Прижимая к себе одежду князя, Ци Лин одиноко стоял посреди улицы, не зная, куда идти. На дорогах уже не осталось прохожих и повозок — лишь воющий зимний ветер.

На лоб парня упало несколько ледяных капель дождя.

Ци Лин вскинул голову: с неба лил проливной дождь. Он стоял под ливнем в одиночестве, пока вода постепенно мочила волосы и одежду. Меховой ворот, напитавшись, потяжелел и, точно груз на душе апостола, теперь тянул плечи вниз.

Только что наклеенное им объявление о поиске пропавшего князя намокло от дождя, чернила пошли разводами, и лицо Инь Чэня постепенно размывалось. Парень посмотрел на медленно исчезающего с бумаги князя, и глаза его покраснели.

Со всевозможных карнизов крыш вниз стекала вода, на дороге очень скоро собрались лужи. От конца улицы к Ци Лину медленно шагал силуэт с раскрытым зонтом.

Фигура у него была миниатюрной, волосы изящно связаны в узел на макушке. Дождевая вода струилась вниз с краев роскошного зонта, и редкие капли падали на щедро расшитый золотистыми нитями плащ, напитывали вшитые в узоры синие драгоценные камни, отчего те сверкали только сильнее.

Ци Лин почувствовал приближение и медленно повернул голову.

Под проливным дождем в середине улицы тихо стояла Тяньшу Юхуа: она смотрела на друга, не произнося ни слова.

Ци Лин потер покрасневшие глаза и улыбнулся с напускной беспечностью, его голос зазвучал сипло:

— Должно быть, дождь принесло с моря, морская соль совсем едкая, аж глаза щиплет... Мои, наверное, покраснели?

Юхуа подошла ближе и протянула зонт, укрыв под ним Ци Лина.

Несколько вымокших галок, хлопая крыльями, остановились под узким деревянным козырьком доски объявлений. Они заунывно закричали, но эти звуки быстро поглотил проливной дождь.

*Западная империя Асланд,
акватория города Ренн*

Воде не было конца.

На поверхности зимнего моря покачивались расколотые льдины, в морозном воздухе чувствовалась соль, а в беззвучно вздымающихся под луной черных волнах — гнетущая скорбь.

Холодную зимнюю пору птицы, как правило, проводили в каменных пещерах прибрежных утесов, немногие их покидали. Дрожа, они сбивались вместе и грелись, иногда испуская слабые крики — настолько тихие, что те были практически неразличимы в гулком шуме морских волн.

Инь Чэнь стоял на краю обрыва в глубоких раздумьях, а когда отвлекся от собственных мыслей, наконец-то заметил проснувшуюся Гуйшань Ляньцюань.

Она встала и подошла к нему. Ветер дул с моря к обрыву, развевая за спиной ее одеяние.

Инь Чэнь, повернув голову, поприветствовал ее.

— Ты хорошо отдохнул? — тихо спросила она, наблюдая за князем.

— Вполне, — кивнул тот. — А ты?

Ляньцюань промолчала, однако ответ и не требовался: Инь Чэнь сам чувствовал обильную духовную силу внутри ее тела. Пусть их и разделяло расстояние, а сила Ляньцюань оставалась скрыта, тем не менее было ясно, что ее нынешняя мощь значительно отличалась от прежней силы Пятого апостола.

После ночи отдыха два совершенно разных набора духовных линий окончательно сплелись вместе. В миниатюрном и грациозном теле девушки сейчас, казалось, томился яростный золотистый океан, в любую секунду готовый выплеснуться чудовищными ревущими волнами, что поглотят весь мир.

— Раз готова, то пора, — произнес Седьмой князь, не сводя с нее взгляда.

— Если собираемся спасти Гильгамеша, нас двоих недостаточно... — Она помедлила, после чего продолжила: — Необходим еще один человек.

*Западная империя Асланд, Гланорт,
Крестовый Коридор*

Темно-голубое пламя бликами играло на черной воде, отчего та сверкала гнетущим холодным светом, напоминая поблескивающий на клыках змеи яд, пока над неподвижной поверхностью скользил слой густого белого тумана.

Тэрэя и Ю Мин прошли по всплывшим на воде каменным ступеням, не произнося ни слова. Бок о бок ступая по Крестовому Коридору, они двигались к залам серебряных жрецов.

Достигнув распутия, в безмолвном единстве они подняли головы на запертую комнату в центре и обменялись многозначительными взглядами: каждый из них знал, о чем думал другой. Тут же Тэрэя отвернулась и направилась к комнате справа, а Ю Мин зашагал в противоположную сторону.

Просторный коридор заполнил грохот тяжелых каменных дверей, и спустя мгновение в Сердце вновь воцарилась привычная мертвая тишина.

*Западная империя Асланд, Гланорт,
зал серебряного жреца*

Ю Мин стоял перед кристальной стеной, на лице его не было и следа от привычной презрительной ухмылки, однако и колен он не преклонил, лишь молча стоял в ожидании указаний серебряного жреца.

— Немедленно отправляйся в Ренн и доставь в столицу Тяньшу Юхуа прежде, чем до нее доберутся Гуйшань Ляньцюань и Инь Чэнь. — Из кристальной стены, расходясь эхом по просторной комнате, донесся низкий и слегка отдающий металлом голос жреца. — И во что бы то ни стало приведи ее живой.

— Тяньшу Юхуа? Не понимаю... — Острые брови Ю Мина слегка нахмурились, зрачки сузились, напо-

миная змеиные. — Насколько я знаю, линии в ее теле неполные. Зачем вам бесполезный апостол? Если с ней необходимо разобраться, сделаю это на месте.

— Гуйшань Ляньцюань и Инь Чэнь хотят вызволить Гильгамеша, и Тяньшу Юхуа — одно из условий того, удастся ли им это или нет. Ты и сам не желаешь, чтобы Гильгамеша спасли из места заточения, разве не так? Не забывай, сколько усилий вы трое приложили, чтобы его запереть, а значит, если он выберется, то в первую очередь придет за Ци Ла, Тэрэей и тобой. Необходимо лишить их шансов, прежде чем они смогут приступить к воплощению замысла.

Лицо Ю Мина слегка побледнело. Сдерживая недовольство, он произнес:

— Я — Карающий князь, отвечаю за убийства. Отправьте за ней посланников — их хватит, чтобы привести сюда ничтожество вроде Тяньшу Юхуа, мне все не...

— Довольно, — оборвал его слова ледяной голос. — Отправляйся сейчас же.

Мужчина сделал глубокий вдох и, не сказав больше ни слова, развернулся к двери.

*Западная империя Асланд, Гланорт,
зал серебряного жреца*

Тэрэя почтительно опустила на одно колено на ледяной каменный пол, в уголках ее рта играла едва различимая улыбка, делая прекрасное, но холодное лицо

еще более красивым. Черные как смоль густые волосы были собраны на макушке золотым украшением, и голубое свечение кристальной стены очерчивало ее лицо мрачной каймой.

Женщина не говорила, и причиной этому служило то, что в комнате она находилась вовсе не одна. Такое случилось крайне редко, ведь обычно серебряные жрецы раздавали приказы князьям один на один.

Голова ее была опущена, однако внимание полностью сосредоточено на серебряном посланнике, что в это мгновение находился в темном углу, напоминая укрывшееся в тени привидение с руками, поднятыми перед грудью в крайне причудливом жесте.

— Позвольте спросить, для чего меня вызвали в этот раз? — все же не выдержала и заговорила Тэрэя, просидев в молчании долгое время.

— Для задания, выполнить которое способна лишь ты. Немедленно отправляйся в Коридор Бездны, Тэрэя. Отыщи и доставь обратно тело мальчика, — раздался голос из стены.

Стоило услышать эти слова, как ресницы Тэрэи едва заметно дрогнули. Она привела в порядок дыхание, всеми силами принуждая собственный голос звучать ровно, подняла голову и с улыбкой спросила:

— Тело мальчика? Я не ослышалась? Вы сказали: «Коридор Бездны». Ущелье заполнено свирепыми зверьми — оставь там хоть сотню трупов, они бы давно уже были съедены без остатка.

— Об этом не переживай. Ни одному зверю не захотелось бы отужинать им, они не стали бы и приближаться. Вокруг того тела не задержится никакой духовный зверь.